

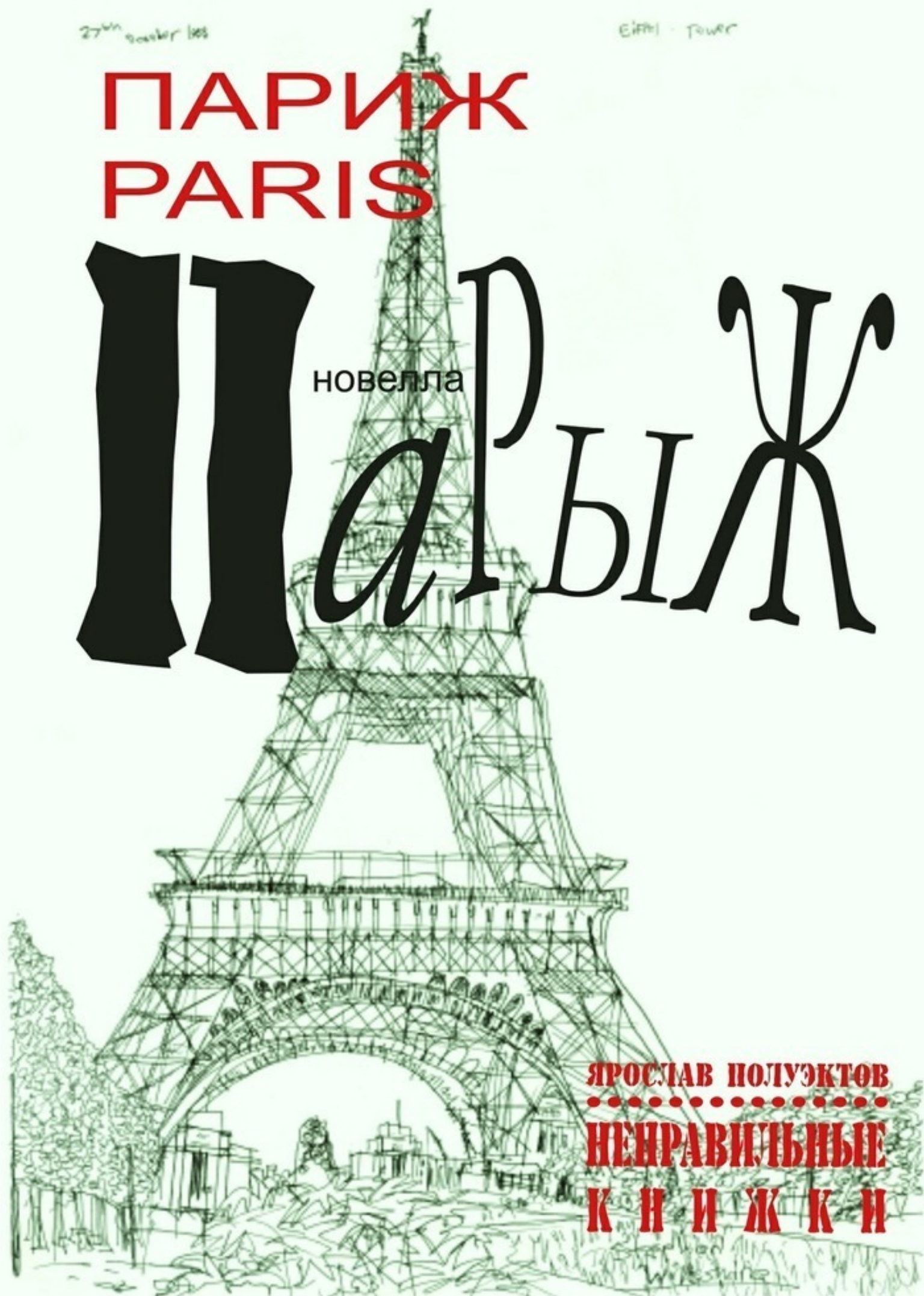
27th October 1988

Eiffel Tower

ПАРИЖ
PARIS

ПАРЫЖ

новелла

ЯРОСЛАВ ПОЛУЭКТОВ
.....
НЕНРАВИТЕЛЬНЫЕ
КНИЖКИ

Ярослав Полуэктов

Париж Paris Парыж

«Издательские решения»

Полуэктов Я.

Париж Paris Парыж / Я. Полуэктов — «Издательские решения»,

Яков Каунатор. Аннотация: «Итительская сила! Ай, как вкусно! Мало, что вкусно, белой завистью завидно. Хорошо. Занимательно и вкусно. Спасибо».

Содержание

Париж, Paris, Парыж	6
1	7
2	8
3	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Париж Paris Парыж Ярослав Полуэктов

© Ярослав Полуэктов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Париж, Paris, Парыж

Не будем тратить предисловие на знакомство с героями

Не станем распыляться на выявление характеров.

Да и нехрен с ними – такими – знакомиться. Вы будто в бесплатный цирк сходили, посмотрели на клоунов, всерьёз ничего не приняли: в результате останетесь чистенькими.

А они как бы сначала побудут тут... с оказией, побалуются, покуражат, а в итоге тихохонько растворятся. В литературе. Навсегда. И никакого вреда. Ни Парижу, ни читателю, ни человечеству.

Не требуйте с автора сюжета! Что за дела? Что за пошлые штучки этот сюжет?

1

Не откладывая в долгий ящик, начинаем хамить. Ибо е правда жития и никуда от этой правды не скрыться. Тут уж кто сколько стерпит. Привет издателю.

Бумкнула Франсуаза, ответила Маргарита.

– Эй, парни, это одно лицо!

Наклали двадцать восемь лошадей по дороге к базилике кругликов. Века давно раскатали их сначала по Парижу, а ветер и вода позже – по всей планете, а парижане всё равно помнят.

Помнят также Бима, Ксан Иваныча, Малёху, ксанин автомобиль Рено. Может и меня запомнят.

«– Очень это французской нации нужно! Да такой нации и нет, – отвечаю я, чтобы показать: сам, мол, подкован и все у меня тип-топ».

Ха-ха-ха! Как я наколол читателя. Слова в кавычках вовсе даже не мои – как я могу сам себе противоречить. Эти слова принадлежат самому настоящему французу. Даже, можно сказать, французу из французов – Луи Фердинанду Селину. Во как!

Так что шансы запомнить этот рассказ есть.

2

– Кирюха, ну ты что? Ты придумал, как мы на кладбище поедем?

Это взъерошенный со сна Порфирий Сергеевич Бим-Нетотов сбросил ноги с постели, почесал, извините, кокушки и, без извинений, левую сторону голой – формой под петушка имени Буша – ляжки. Под прозрачной цыплячьей кожей с намёками старческих пупырышков видна сеть ручейков, в которых когда-то текла кровь, но теперь вместо неё алкоголь пивного происхождения. Соседей по койке рядом с ним нет. И никто не прочёсывает местность с при-спущенными брюками.

– Давно воскреснул? А я токо что.

– А я вижу.

Проснулся я на самом деле давно, и вовсе не умирал. Я и не пил практически: против Бима я трезвенник. И всегда – против некоторых сексуально озабоченных – сплю в дягилевской длины и красоты трусах.

Разве можно Париж просыпать? Откусите себе язык только за мысль об этом! Хоть язык не виноват. Язык – всего лишь рупор мозга. Зато язык ещё и стрелочник, потому как крайний. Или наоборот. Лучше языка стрелочника нет.

Жёнка – ещё до развода – мне говорила: «Ты меня обижаешь».

Я удивляюсь: «Чем?»

Она: «Словами».

Я: «Ты суди по делам, что ты на слова обижаешься?»

Она: «А я всё равно обижаюсь».

Я: «Я же тебя даже не бью... как некоторые».

Она: «Нашёл эталон».

Так и разошлись: слово за слово, слова материализовались, и привет родителям.

Без языка ты и не жив, и не мёртв, как в русской извращенческой сказке про неголую и неодетую.

Или как у Буратины: с языком ты скорее жив, чем мёртв.

3

Утро в Париже это НЕЧТО. Это романтическое зрелище, особенно если едешь не с этими обормотами – хотя и с ними уже свыкся – а с нормальной девчушкой, готовой целоваться в транспорте и на скамейке, прижимать себя к твоим бёдрам, хвататься за руки, щебетать дурь и любиться ежевечерне за три бутерброда на бегу, за бокал вина в бистро и один полноценный обед в день.

Наши девушки такое могут себе позволить, ничуть не стесняясь такой мизерной – считай обидной – цены. Хотя, если рассудить по справедливости – билеты, гостиница тоже в счёт. Так что и не особо дёшево, если трезво рассудить.

Кто ж с тобой – ещё немного и вовсе старым пердуном и дряхлым пижоном – будет чпокаться, если у неё у самой деньги на билет есть. Даже и не поедет с тобой, если у неё есть деньги на билеты туда и обратно и для показа той таможне. Та-Можня этим озабочена. Эта Не-Можня ничем не озабочена.

А в Париже без денег можно прожить на обыкновенных деревянных скамейках на львиных – из чугуна – подпорках.

А если подцепить парня – пусть даже темнокожего – то и вообще хорошо. Хотя деваху в количестве одна особь французы не пустят: с русскими девками тут труба. Того и норовят навсегда остаться: замуж за ихнего выйти, прописку получить, потом развестись и хапнуть чужого имущества. Имущество лоха – его проблемы: хотел русскую – получи, а нахрен всему Парижу лишний народец? Тем более наши бабы по инерции требуют шубейку. Мужики... Русские мужики эмигранты, так они вообще лишние. Они работу отымают у старожилов. И, вот же черти, не хотят мести улицы! Всё норовят в писателей, в художников, бездельников... Ладно, в бездельников можно. Только не в бомжей, а наоборот пусть. Живите в гостиницах, тратьте свои тугрики на радость парижанам.

Хе! Негры, выходит, лучше. Стопоньки! Дабы не нарушать моральных устоев общества мы, вместо узаконенного, но долгого термина «лица африканского происхождения» взамен «негров», стали называть их сокращённо и по-доброму «Л.А.П.». То бишь лапы, лапушки. Такие «лапы» меньше кочевряжатся, а если кочевряжатся, то только на предмет ущемления их прав. Они, дескать, тоже аборигены, а если порассуждать, то ещё и похлеще белых.

Именно разные приезжие гадят и смердят методом «где попало». В метро и без приезжих очереди за билетами – стоят плотно, зигзаг гуськом, нефритовый грифель не пропихнёшь. И через шлагбаум приезжему не перепрыгнуть – тут же пожурят францозишки-аборигены, то бишь бабушки – дедушки ихние. Зачикают белые воротнички, они такие все важные да кичливые. Полицейского позовут. Кто тут у них закладывает? – свои или приезжие? Или лапушки? Вон их сколько топчет Париж. Хотя нет: последовав нашему примеру, через защёлкнувшуюся вертушку стали сигать восприимчивые на всё новенькое молодые французики. И смотрят на нас, как на героев. А нам с Бимом с этого приятно.

...Итак, скрутил я матрас в рулон и выставил в угол, свернул в стопку простыни, добавил одеяло, и бросил всё в ноги Биму: а спал я на полу у самого балкона. Как и обещал с испуга где-то в середине романа.

А его величество Бим почивали по-человечьи – в мягкой койке на две персоны, хотя нами предварительно рассчитывалось гуще, по крайней мере – как это говорится у хронических алкоголиков? – ага, вспомнил: «соображалось на троих».

Сыночка, естественно, как привилегированное существо, обладает *coikus personale*.

Возникает у вас вопрос. Что за групповуха там такая? Сильно что-то уж у них запутано. Геи – сидоры – бляусек? Да не парами, а всей мужской туристской группой? Чересчур уж как-то это всё.

Но, честно скажем, Малёха в этот раз руки на коленку Бима не складывал: эта болезнь нежности к Биму проявилась позже – при пересечении Монголии в одном из последующих годков. О чём, может быть, когда-нибудь поведаю миру.

Ну, дак и что, спрашиваем продолжая: грех это – трём мужикам в одной койке спать?

Отвечаю: в России грех, а в Германии давно и полно голубых клубняков: записывайся, плати вход и шпаклюйся, и сосискайся с кем хочешь и чью хочешь. Можно вайфюрст, а можно и блэккотлет – без ограничений тут. А в Париже не грех... потому как этак дешевле выходит. ДЕШЕВШЕ, пацаны!

Про пацанов я про тех, кто на последние кровные за границу едут, а то тут половина других пацанов уже слюни пустила и думает, что я щас порнуху в подробностях распишу – деньги вон уж из кошельков достают, в очередь за книжкой встали, автор рядом с авторучкой – автографы писать, может, думают, и этому Эктову удастся «вставить на память»... – вместо получения автографа, вон там за стеллажом вон того книжного магазина... А в нем теперь только одна «Астрель» вместо замученной капитализмом многогранной и всеядной «Угадайки». Жесть! И типа – раз он такой ловкий шалунишка – значит уже прямо тут можно брать за рога и своё в чужое совать. А дома уж, когда отдохнут, для развлечения и завершения – сладок в сексе старикашка не только на бумаге, а больше в жизни – на страницы поттречат так густо, будто бы на экран телевизора в Анфискином тренд-канале, и вытрут гнусный свой агрегатишко об цветной шмуцтитул.

Ага, дождётесь!

Речь ровно наоборот. Как раз, чтобы было наоборот, я сделал именно так, как 1/2Эктов обещал в какой-то главе. Разницу надо различать: Одно Второй Эктов и я – это две больших разницы. Тут он не соврал. Запомнил, падла, мою угрозу и страх: «с разными голыми Бимами не спать!» Я это хорошо помню.

Вот и устроился я рядом с балкончиком.

Вот и болтались всю ночь надо мной створка со стиркой (три «с» – повторяем ошибки 1/2Эктова).

– Тудысь-сюдысь! – это стирка, бельишко, носки на бечёвке. – Скрип-скрип, – это ману-скрипит деревянная рама над головой. Висит как разболтанная по старости гильотина. Вот-вот сорвётся с петель. Она не снилась мне долго, так как я, слава Христу, не знаю её детального устройства. Революционные ингредиенты первой французской революции! Надо бы их знать сынам революций отечественных. А не охота! А не буду!

Так я и спал под эту «романтическую музыку старых номеров» и «чарующий шелест ночных парижских такси». Но, тьфу на этом, а то запахло. Чем-чем. Хэмингуэвщиной, вот чем!

Тупо разбудил обычный трамвай или ещё более обычный троллейбус: это я уже забыл – что там у них внизу было; надо будет в Планету-Землю посмотреть.

Запомнил только машинёшку, улепленную сплошь зелёным – искусственным, конечно, газоном: живым-то оно было бы забавней; и с глазами она ещё была. Остановилась под самыми нашими окнами: мы на четвёртом этаже, почти под свесом кровли. Чёрт, забыл вверх посмотреть, а там, наверное, было не всё так банально, как у нас на родине: здесь профилёчки, жестяночки правильно загнуты, воронки все с завитушками, дырочками, зубчиками, ромашечками и то и сё, как полагается в их европейском модернизме. А присмотреться, глядишь, и надстроенная мансардёшка там, и наклонные окошки в ней, и флигелёк, и садик во дворе, и на крыше дамочка в одних трусиках. Валяется! В центре Парижа! Ей можно помахать цветочком, а она, возьми, да ответь! Хоть у неё те самые праздники, и на работу не пошла именно поэтому. Ну, не захотела и всё! Плювать! Эй, спускайся сюда!

Крассо-тыщца!

Тут что-то обвалилось за окном, а в коридоре раздались женские шаги.

Ба-бах! Всё вдруг окрасилось сепией. Флэшбэк! Ненавижу флэшбэки. Путают они всё кругом.

Растворилась дверь и, не стуча, ввалила уже будто бы виденная где-то мною женщина. Ополчились бабы мира и родные когда-то. Ведь, хочу доложить, брошенки ревнуют и после брошения. Ибо бросают их не в конкретную цель, а как бы на волю течения, и их частенько или прибывает назад, или они прицепляются к кому-либо специально неподалёку, как к непотопляемому дереву и ждут-не дождутся момента, когда ты сам проплывёшь мимо какашкой, и тогда тебе всё припомнят и скажут, что ты, мол, видишь, стал какашкой, а при мне мог бы стать деревом как и я. А тебе уже пофигу, потому что время твоё кончилось, и ты плывёшь по точному адресу, туда, куда в итоге сплавляются все. И даже крепкие с виду деревья, иногда называемые топляками. Хотя чаще топляки, когда приходит их время, становятся тяжёлыми. Один их конец держится за дно. Другой конец пропарывает днища кораблей. Крепкие системы – неподвижные. Они скучают в застылости. А какашечки могут плыть и плыть, и ими питаются и птицы, и рыбы, и производятся микробы. Это отличная польза миру паразитов. А если повезёт, то их притянет какая-нибудь насосная станция. Там их засосут, прохлорируют, ультрафиолетом подлечат, а они ещё больше окрепнут, загорят, станут симпотными как звёзды, и они приобретут иммунитет, и снова их запустят в жизнь... и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.